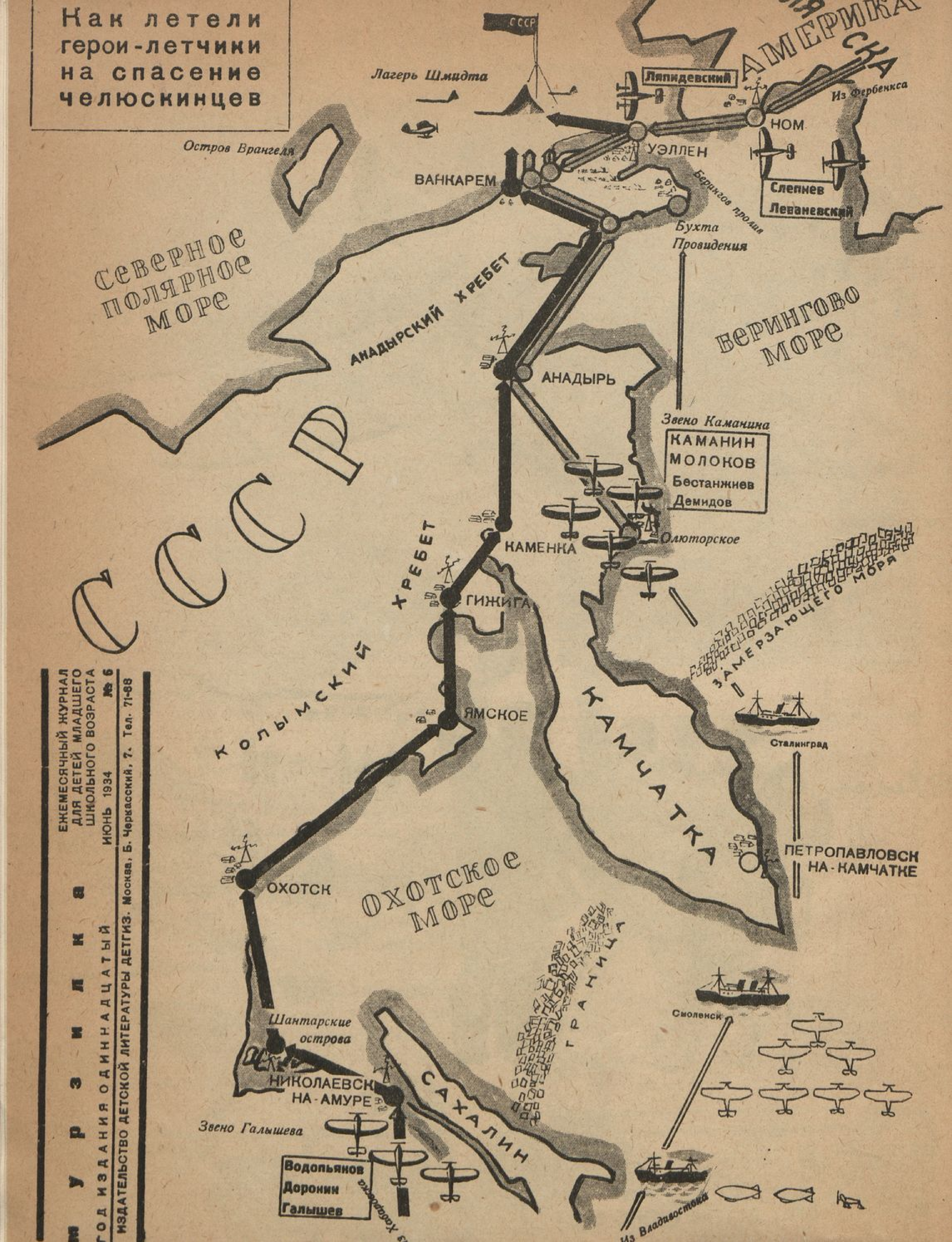

МУРЗИЛКА
6
ОГИЗ ДЕТГИЗ ИЮНЬ 1934

МУРЗИЛКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
ИЮНЬ 1934 №6
ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕТГИЗ. Москва, Б. Черкасский, 7. Тел. 71-88

ЛЬДИНА-ХОЛОДИНА

Лев Кассиль
Рисунки Е. Зерновой

Свой рассказ я дарю мальчику, который сам сочинил стихи „Челюскинцы-дорогинцы". Эти стихи я вставил в рассказ.

Когда отец уезжал, Ига еле-еле доставал головой до Ледовитого океана на карте, а Люда и рукой бы не дотянулась. Она могла достать только до Черного моря, но Черного моря не было на карте. Это была карта северных морей. Она висела низко у самой двери, и отец перед отъездом поднял Люду на руки. Он поднес ее к карте и пальцем провел по морям и океанам.

— Вот как мы поедем,— сказал отец. И палец его прошел из Ленинграда, через Балтийское море, мимо чужих стран, по Немецкому, или Северному морю, по полярным морям, у самой ледяной макушки земного шара, вокруг северных земель, в Великий, или Тихий океан.

— Вот так мы поплывем,— сказал отец и поцеловал Люду. Потом он крепко обнял Игу и взял чемодан. Люде стало жаль отпускать папу. У нее сморщился нос, и губы сделались вот так: ⌢. Ей захотелось плакать.

— Смотрите, ребята,— сказал отец,— чур, тут без меня не капризничать и маму не огорчать. Я все по радио узнаю. А если будете молодцами, я вам гостинцев привезу.

Люде расхотелось плакать. Губы у нее сделались теперь вот так: ⌣.

— Пап,— сказала она,— ведь там будут льды и льды все... Пап, знаешь, привези мне маленький кусочек северного полюса, такую вот ледяшку.

— Ну, на самом полюсе мы не будем... Мы мимо пройдем. Но полярную льдинку я тебе непременно привезу.

— И чтобы со следом белого медведя была,— добавил Ига.

— Лед со следом ледведя,— поправила Люда.

И отец уехал. Он был знаменитым путешественником. Он исходил все северные моря и земли. Он плавал на ледоколах, летал на цеппелине, жил на замерзших островах. И, где бы он ни был, он никогда не скучал. Он дружил со всем миром, потому что он был замечательный радист и разговаривал по радио со всеми странами.

Этот раз отец уехал в ледовый поход на большом пароходе „Челюскин". Пароход повел самый лучший северный капитан — Воронин. А командовал всем походом главный начальник великой морской северной дороги — ученый профессор Шмидт. Ига и Люда хорошо знали профессора Шмидта. У него была большая борода и смелые глаза.

И вот корабль „Челюскин" плыл и плыл все дальше и дальше, из моря в море. В газетах из номера в номер печатали телеграммы отца Иги и Люды. Когда Ига уходил утром в школу, он каждый раз спрашивал маму:

— Где папа?

— В Белом море,— отвечала мама и читала вслух газету.

Иногда отец присылал по радио привет Иге и Люде.

„Плывем отлично,— передавал он с далекого парохода,— настроение превосходное. Как учится Ига? Сегодня поймали тюленя на льду. Вчера попали в бурю-шторм. Ходит ли в детсад Люда? А позавчера в Карском море у одной нашей пассажирки родилась девочка. Ее назвали Кариной; она вам кланяется. Ее купают в тазике, но вода часто

выплескивается, потому что нас сильно качает. Слушайтесь маму и не скучайте. Борт „Челюскина". Папа. Точка".

Прошло много времени. Пароход был уже совсем близко от Великого океана. Но дорогу в океан загородили огромные льды. Ветер пригнал целые ледяные горы. Льды уперлись в пароход и остановили его. „Челюскин" стал пробивать себе путь. Корабль бешено работал винтом и бил воду. Корабль клевал железным носом толстый лед. Он вырывался, что есть силы. Но толстые льды крепко держали его. Ветер гонял льды с места на место. Льды тащили с собой корабль. Льды сжимали пароход все туже и туже. Льды давили корабль, лезли на него, карабкались, громоздились и скрежетали о железо.

Раз утром мама взяла газету и стала вдруг строгой и белой, как северный полюс.

— Где папа?— спросил Ига, который только что собрался уходить в школу.

— На льдине среди полярного моря,— сказала мама.

Ига услышал как что-то — тук, тук — стукнуло о газету. Это упала на бумагу тяжелая мамина слеза.

— Пароход погиб,— сказала мама,— льды раздавили пароход, „Челюскин" утонул.

— А как же папа?— спросила Люда; она только что проснулась и услышала страшную новость.

— Все люди успели вылезти на льдину. Только один утонул, а остальные—на льдине.

— Как же они там будут?

И Ига посмотрел на карту. И мама. И Люда. Все посмотрели на карту... Голубой краской было нарисовано там наверху холодное полярное море.

— Как же они там будут?

Но радист, отец, не унывал. Он сидел в маленькой походной палатке, он нажимал пальцем на ключ своего аппарата, и на весь мир разносило его: ти-ти-ти-тр-тр-тр-тр-тр-тр... И вес мир прислушивался, как отец Иги и Люды передавал по радио:

„Второй день челюскинцы живут на льду. До берега далеко. Кругом ледяные горы. Все здоровы, все держатся молодцами. Сил у нас достаточно..."

И скоро он сам услышал по радио и передал профессору Шмидту и другим своим товарищам, что вся Советская страна поднялась им на помощь. Шли на помощь пароходы и ледоколы. Неслись самолеты и дирижабли. Торопились собачьи нарты и аэросани.

И все люди в СССР, и маленькая Люда, и сам товарищ Сталин, жадно слушали, читали, ждали, что передаст радист со льдины.

„Все благополучно, вернусь в июле,— уверенно сообщал домой тихий, далекий, но веселый голос радиста:—тр-тр-ти-тр-тр-ти-ти... Вернусь в июне".

Теперь каждое утро Ига первым делом хватал газету. Раньше он перед тем, как итти в школу, подбегал к окну и смотрел на градусник.

— Шестнадцать градусов мороза!— кричал он.—Я сегодня на каток пойду. Лед хороший.

А теперь он смотрел в газету и говорил:

— Сорок градусов мороза... Льдина опять треснула...

Мама похудела; она не спала ночи и все беспокоилась. Она глядела на карту и вздыхала. Ига тоже ходил скучный, и даже Люда стала капризничать. Только отец не унывал на льдине. Он присылал по радио спокойные и смешные телеграммы:

„Как школьные успехи Иги? Каждый ли день чистит зубы Люда? Я здесь чищу каждый день. Вчера убили белого медведя. Покойник кланяется вам".

Мама отвечала:

„Береги себя. Ига — премированный ударник. Учится на „отлично".

—Крепко целую дорогого ударника,— пришел ответ со льдины.— Поздравляю Людочку со днем рождения. Купи ей подарок. А полярную льдинку я ей сам привезу.

Однажды Люда капризничала и не слушалась. Она ни за что не хотела одеть теплый платок. „Он мне шерстит и чешется", говорила она. Мама сказала: „Вот я папе пожалуюсь..." Люда не верила, но от папы, с полярного моря, пришла телеграмма:

„Ай, ай, ай! Как не стыдно! Огорчаешь маму. Одень сейчас же платок..."

Так весь мир узнал, что Люда капризничала из-за платка. Люда одела платок, и ей казалось, что он уже больше не шерстит.

Потом наступил первый радостный день. Молодой летчик Ляпидевский прилетел на самолете в ледяной лагерь Шмидта. Челюскинцы уже давно забыли дни и ночи. Они приготовили площадку — аэродром. С нетерпением ждали они самолета.

Летчик посадил в свой самолет женщин и двух ребят: Алочку и маленькую Карину, которая еще никогда не была на земле. Впрочем, земля ей не очень была нужна. Все равно она еще не умела ходить. Но храбрый летчик Ляпидевский привез ее с другими на сушу, чтобы Кариночка училась ходить по советской земле.

В этот день ребята на дворе сочинили и распевали такие стихи:

Эх ты, льдина-холодина,
Не ходи па океан,
Не ходи на океан.
Ах ты, льдина-холодина,
Долетит аэроплан
Все равно и в океан.

И в тот же день на дворе началась большая, замечательная игра в спасение челюскинцев. Игру эту затеял Ига и его товарищ Петя-Петух. Он был сыном настоящего летчика. Он был главным мальчиком во дворе.

На большой куче льда и снега посреди двора устроили из щепочек и палочек лагерь Шмидта.

— Женщин с детьми всегда спасают наперед,— сказал толстым капитанским голосом Ига. Он был сразу и радистом и профессором Шмидтом.—Ребята и матери, можете спасаться,— повторил он, и Люда с куклой, вместе с двумя подружками, стали в очередь за спиной Петуха, который был летчик. Он ездил на одном коньке. Петух выпятил губы, сердито похмуривался, зафырчал и взмахнул руками.

— Я вас сейчас долечу на сухое место — Ванкарем,— сказал Петух.

Сухое место помещалось на крылечке. И через несколько минут Петух благополучно снизился туда со своими пассажирками.

Но сердитый дворник Харитон пришел, взмахнул метлой и разбушевался, как метель.

— Я вас! — закричал он.— Сейчас же слезайте с кучи! Это что за игрушки? Снег только развозите!

У Харитона была большая борода, но на профессора Шмидта он ни капельки не был похож... Ребята обиженно слезли со снеговой кучи. Но в это время вернулся с работы сосед Федор Егорыч. Он жил в одной квартире с Игой и Людой. Федора Егорыча все ребята очень любили. Они считали его большим специалистом по полярным делам, потому что он любил летом холодок в тени, пил ледяной квас и угощал ребят мороженым. Федор Егорыч заступился за ребят.

— Чего им игру портишь? Снегу тебе жалко?

— Беспорядок! — закричал Харитон.

Федор Егорыч подошел к ребятам и сказал:

— Ничего, ребятки. Он у нас, как буран: налетит, заметет, зашумит, а потом уляжется... спать. А я, ребятки, буду вашим бюро погоды. Буду вам сообщать, когда можно играть, когда нельзя. Из моего окна видно, когда он идет.

И с того дня пошло так: Федор Егорыч выходил на крыльцо и говорил:

— Видимость плохая, идет пурга и все метет,— лететь нельзя.

И ребята уже знали, что идет сердитый Харитон, надо удирать. Но чаще Федор Егорыч говорил, подмаргивая:

— На горизонте чисто,— можно лететь.

И тогда ребята играли. Дворник Харитон бранился и в один прекрасный день вывез весь снег с середины двора. Лужи потекли во все стороны. И опять негде было играть. Но Федор Егорыч утешал их:

— Ничего,— сказал он,— пока я заведую вашей погодой, беспокоиться нечего, завтра все у вас опять замерзнет.

И действительно, утром все лужи замерзли, и на следующее утро и через день льдина больше не таяла. Было уже тепло, снег повсюду растаял. Весна согрела тротуары, асфальт высох, и Петух спасал теперь челюскинцев на двухколесном самокатике.

А большая лужа за сараем все замерзала каждое утро. И ледяная гора таяла очень медленно... Никто не понимал, в чем дело.

Харитон ломом расколол лед на мелкие куски. Но утром льдина опять смерзлась вся вместе и, опять получилась гора. Харитон совсем растерялся, а потом махнул рукой.

А ребята продолжали играть каждый день в челюскинцев, и мама каждый день испуганными глазами впивалась в газету. Ига и

Люда очень соскучились по отце. Но спасти челюскинцев было трудно. Блуждающие льды разламывали лагерь. Моторы самолетов задыхались, как люди в страшном морозе.

Но это были советские люди — очень упрямые и храбрые люди. Они решили спасти челюскинцев во что бы то ни стало. Летчики рвались в воздух, наперекор ветру и стужам. Весь мир смотрел на север.

Льды наседали на лагерь. Тяжело заболел профессор Шмидт. Он никому не говорил о своей болезни. Он не хотел сдаваться.

Наконец советские летчики пробились сквозь мороз и метели, и веселый радист пошутил на весь мир, что открылось воздушное пассажирское сообщение между лагерем Шмидта и Ванкаремом.

Веселый радист еле успевал передавать по радио: спасено двадцать два человека, потом тридцать шесть, потом пятьдесят семь. Больного профессора Шмидта чуть ли не насильно увезли. Он хотел улететь самым последним.

Было уже поздно. Летчики обещали прилететь на следующее утро и взять всех оставшихся. Летчики улетели. Шесть человек и восемь собак остались в опустевшем лагере. Наступила ночь, и над полярным морем взошла Полярная звезда. Она взошла и над Москвой, и люди в Москве, глядя на Полярную звезду, думали о шести храбрецах на льдине...

Ига долго не мог заснуть в эту ночь. Он думал, как страшно быть ночью на льдине... Под льдиной стынет черная глубина моря, а кругом бродят острые льды. Ига лежал с открытыми глазами. Ему казалось, что по комнате тоже ходят льды, но это двигался на потолке свет проезжавшего автомобиля.

На другой день мама с утра ушла справляться об отце. Ига вернулся из школы и пошел с Людой играть на свою льдину во дворе. Пришел Петя-Петух, пришли другие ребята, но игра что-то не получалась. Попробовали охотиться на белых медведей и моржей, но мама Петуха сказала, что не позволит класть плюшевого мишку на грязный лед. Поймали собачонку Штурму и хотели запрячь ее в санки, но Штурма обиделась. Вдруг раскрылось окно в маминой комнате. Мама высунулась и весело, звонко закричала:

— Можете доигрывать до конца! Льдина пуста, ребята! Последние люди улетели с нее. И самыми последними знаете, кто был? Капитан Воронин и наш папа.

— Мама, а собаки остались там?

— Нет, и их вывезли.

— Ой, вот ура!

И тут один из ребят запел песенку:

Челюскинцы-дорогинцы,
как боялся я весны,
как боялся я весны!

Зря боялся я весны:
челюскинцы-дорогинцы,
все равно вы спасены.

А наутро льдина во дворе вся растаяла, и лужи не замерзли.

В июне, как обещал, веселый радист возвратился в Москву. Он приехал со всеми челюскинцами и летчиками-героями Советского союза. Вся Москва встречала героев. Он привез в стеклянной банке кусочек полярной льдины. В ледяшку вмерз коготь — след лапы убитого белого медведя. Отец очень оберегал эту льдину. Он вез ее на самолете, на собаках, на пароходе, на поезде. Всюду он держал банку на льду, чтобы подарок не растаял.

Счастливый, веселый приехал отец с вокзала домой. Люда и Ига визжали и прыгали вокруг него. Обоим очень хотелось узнать, привез ли отец обещанную льдину, но они вежливо не спрашивали, они терпеливо ждали. Вдруг отец схватился за голову.

— Стойте, товарищи, — а банка где?

Банка стояла на полу, рядом с чемоданом. Радист совсем забыл про нее. Горячее июньское солнышко нагрело банку, и там в грязной водичке лежал большой черный коготь.

Вот тебе и кусочек северного полюса! Растаяла — пробормотал отец. — Эх, как же это я?

— Ну, ничего, — вежливо сказал Ига, — коготь все-таки не растаял.

Люда надулась и чуть не плакала.

— Одну минуточку, — раздался голос соседа Федора Егорыча, — дайте-ка мне банку...

И он, схватив банку, исчез в свою комнату. Он тотчас вернулся и поставил на стол запотевшую банку. Все ахнули: в банке лежала полярная льдина. В льдину внутрь вмерз медвежий коготь...

— Слушайте, — сказал радист, — чудес на свете не бывает, но как вы это сделали?

— Очень просто, — отвечал Федор Егорыч. — Я холодных дел мастер. Я работаю на холодильном заводе. Там делают искусственный сухой лед. В нем 30° мороза. Его можно носить в кармане. Он тает, но не течет, а превращается прямо в воздух. Если бросить кусочек льда в лужу, сейчас-же лужа замерзнет. Это ведь я замораживал лужи во дворе.

И тут все захлопали в ладоши. Потом отец посмотрел вдруг на Игу.

— Ну-ка, Игорь, встань у карты, — сказал он.

Ига доставал теперь головой до самого северного полюса.

Песнь о героях

Е. Благинина
Худ. Д. Шмаринов

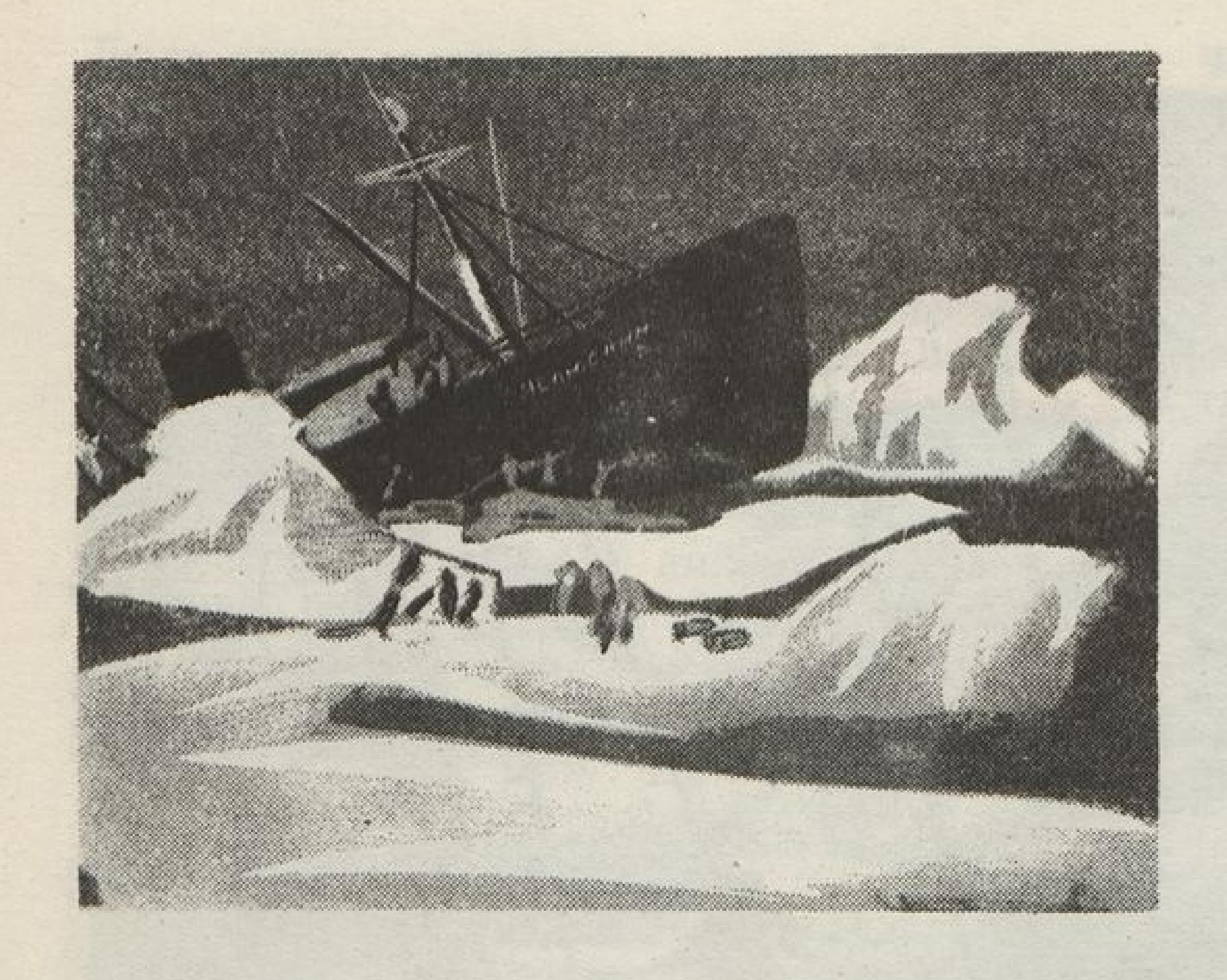
Шел ветер на ветер,
пурга на пургу,
И мрак — на стынущий мрак.
И плыл пароход —
в пурге,
в снегу,
И встал на вахту моряк...

Тогда упал до самой воды
Густой, вязкий туман,
И двинул стеной плотные льды
Северный океан.

Моряк собирал остатки сил,
На компас глядел и стыл...
И ветер спросил,
и лед спросил,
и белый медведь спросил:
— Куда вы идете в такую ночь,
В такой жестокий норд-ост [1]?

Куда вы несете в такую ночь
Сияние палубных звезд?
Вас все равно раздавят льды,
Здесь нет свободной воды!
Вас все равно раздавят льды,
Пурга заметет следы!

И ветер сильней в снастях засвистал.
Моряк на носках привстал
И крикнул в бурю,
в норд-ост,
в туман:
— Ты будешь наш, океан!
Пускай наше судно пойдет ко дну —
Мы знаем правду одну:
По нашему следу придут сюда
Бесчисленные суда,
Железные люди придут сюда
И выстроят города!

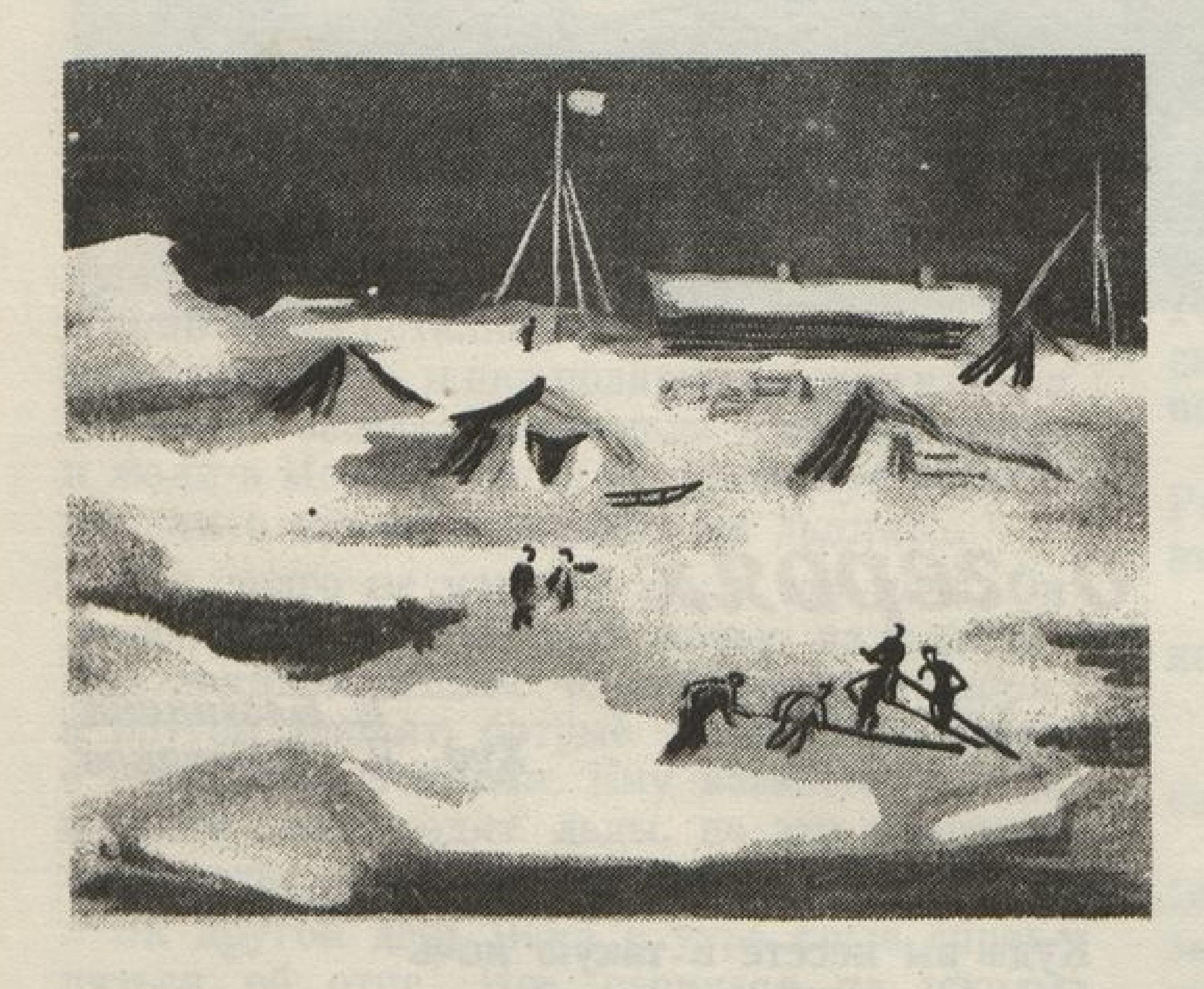

Сейчас наше судно слабей, чем бриг[2]
Но его ведет большевик,
Но его ведет большой капитан.
Ты будешь наш, океан!

...И снег сильнее в огнях заблистал.
Над реями ветер встал
И дунул во всю ледяную мочь
На всю полярную ночь.

И льды поднялись высокой горой
И двинули тяжкий строй.
И белый медведь впотьмах зарычал...
А моряк на вахте молчал...
А донки[3] стучали, как сердце в груди,
И было темно впереди...

Уже не выл тревожный сигнал,
Уже не гремел аммонал[4].
Холодным потоком лилась темнота,
Льды ломали борта.

Упал на дно в ту ночь пароход...
А люди ушли на лед.
А люди ушли в туман и снег.
Их было сто человек.

Шел ветер на ветер,
Пурга на пургу...
Вставал торосами[5] лед.
И в плотном тумане,
в пурге,
в снегу
Летел молодой пилот.
Пилот собирал остатки сил,
Глядел на альтиметр[6] и стыл.

И ветер спросил,
и лед спросил,
и белый медведь спросил:
— Куда ты летишь в такой туман,
Такой жестокой зимой?
Куда ты летишь в такой туман?
Скорей воротись домой.
Пускай ты весь укутан в мех,
Тебя одолеет снег,
Норд-ост опрокинет на острый лед...
Ты их не спасешь, пилот!

И ветер сильней в лицо засвистал...
Пилот у руля привстал
И крикнул в бурю, в норд-ост, в туман:
— Ты будешь наш, океан!

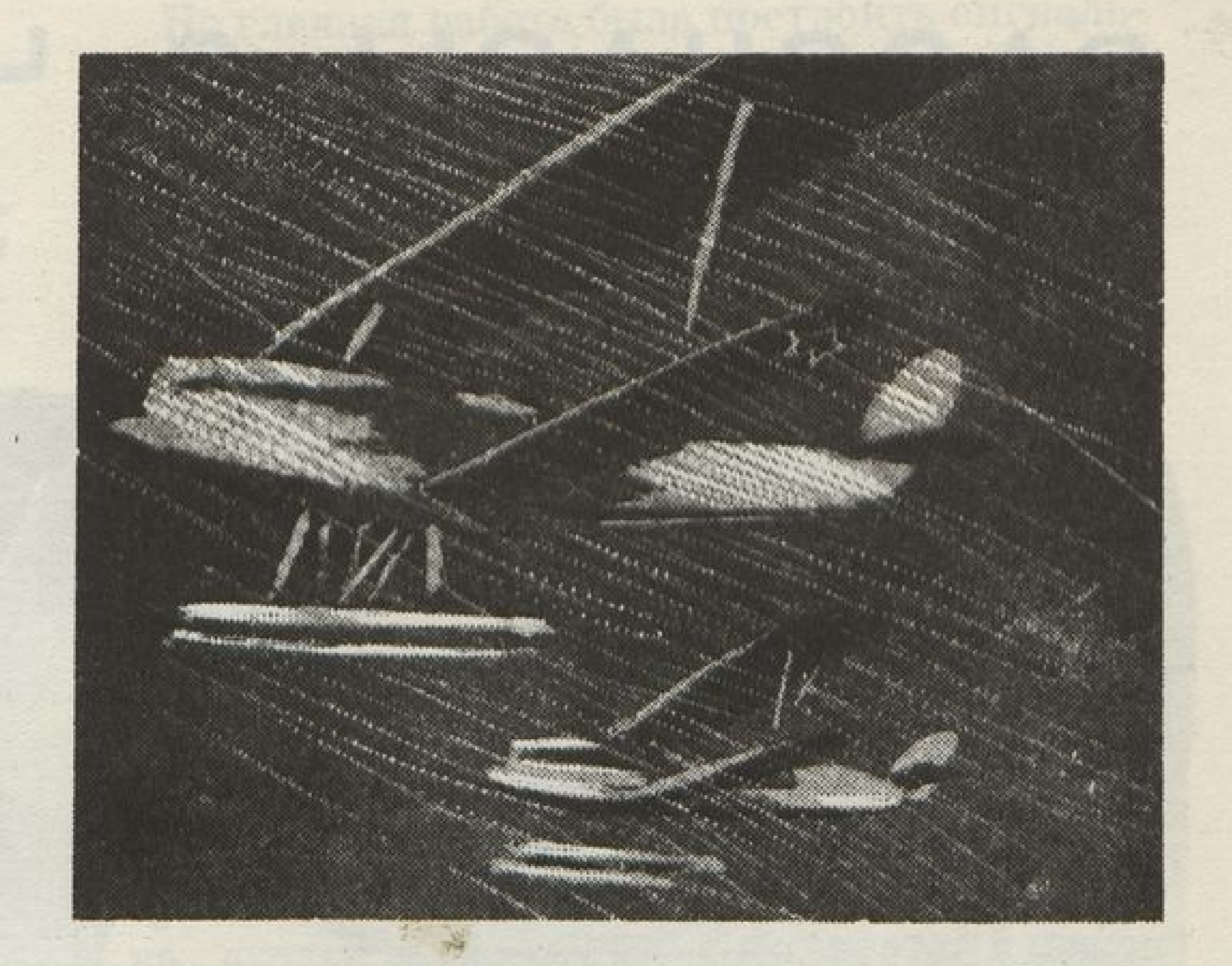
Я знак СССР на крыле несу!
Я должен спасти — и спасу!
Пускай упаду на острый лед,
И кровь моя снег зальет,
За мною летит еще пилот,
И следом за ним — пилот.
Мы семеро мчимся туда, где снег,
Туда, где сто человек.

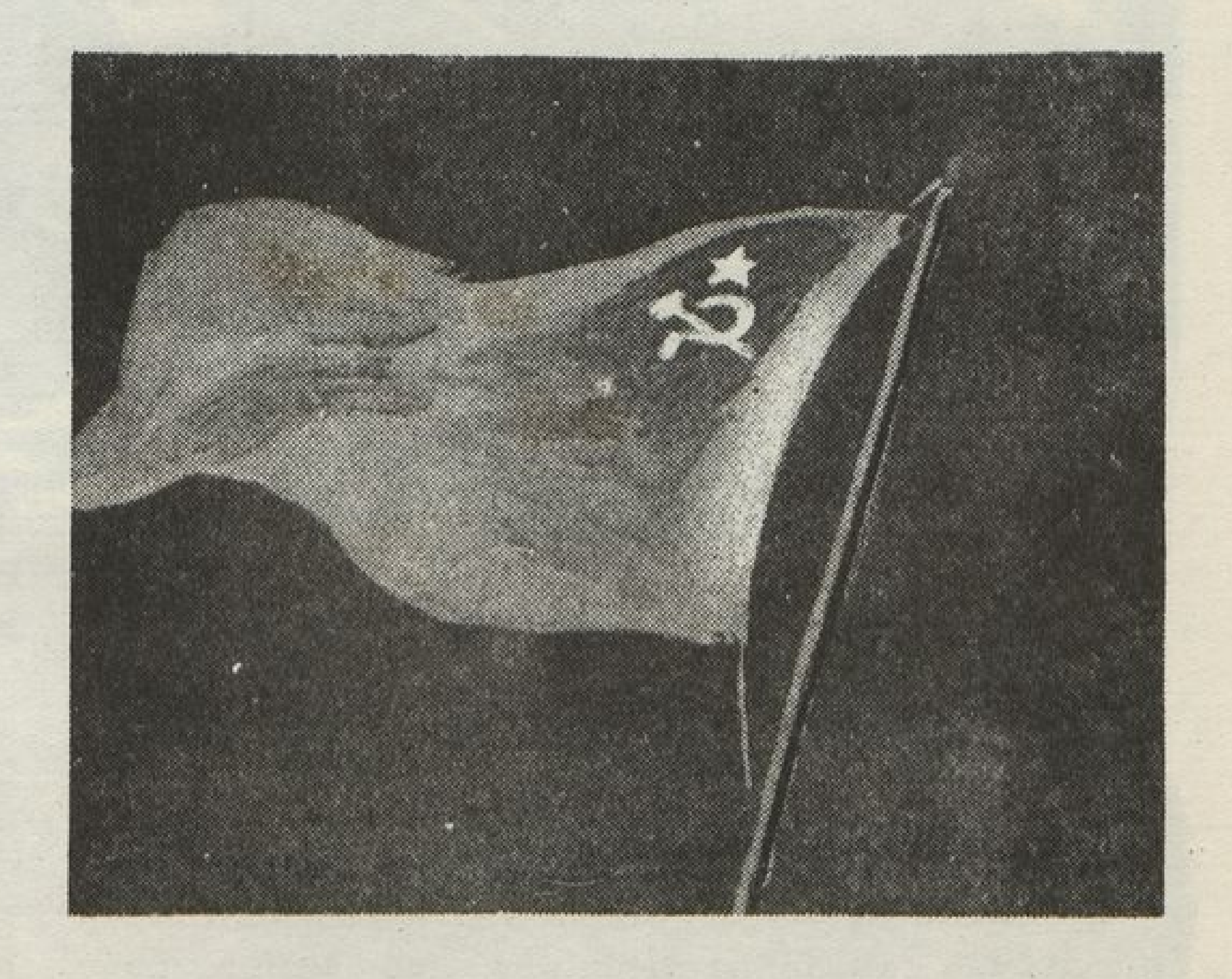
...В тумане едва фюзеляж[7] блистал.
Над крыльями ветер встал,
Вцепился в пропеллер, повис на шасси.
— Попробуй, — кричит, — спаси!
Но твердо сказал пилот у руля:
— Богата наша земля,
Богата машинами, хлебом, рудой
и волею молодой.
Я знак СССР на крыле несу.
Я должен спасти — и спасу.

Тогда расступился туман. И снег
Засыпал звездами лед.
Тогда увидали сто человек
Летящий к ним самолет.
Тогда закричали все. И в миг
весь мир облетел этот крик:
— Весь мир на тебя глядит, большевик!
Он будет твой, большевик!

И ветер на знамени тронул звезду,
Покорно упал на лед...
И белый медведь на зеленом льду
Испуганно глянул вперед.

Умчался пилот, и с ним моряк
И с ними сто человек.
На льдине остался алый стяг.
И тишина,
И снег...
И ветер полощет стяг
и рвет,
А льдину вперед несет.
И белый медведь на ней ревет
И лапу свою сосет.

---

[1] Норд-ост — северо-восточный ветер.
[2] Бриг — маленькое деревянное судно с прямыми парусами.
[3] Донки — насосы для выкачивания воды.
[4]. Аммонал — взрывчатое вещество, с помощью которого ледокол прокладывает себе путь.
[5] Торосы — нагромождение льдов.
[6] Альтиметр — прибор, измеряющий высоту.
[7] Фюзеляж — корпус самолета (без крыльев, хвоста и шасси).

РАССКАЗЫ О ЧЕЛЮСКИНЦАХ

Анна Гринберг
Худ. Е. Зернова

ГИБЕЛЬ

13 февраля была пурга. Было 30 градусов мороза. На „Челюскине" кончили обедать.

Вдруг в 1 час 20 минут льды с шумом двинулись на судно. Они скрипели и трещали, и лезли, и раскалывались, и выли, и гудели, и свистели.

Большой толчок отбросил „Челюскина" на десять метров. Машины сорвались со своих мест. Левый бок проломился. Трубы лопнули. „Челюскин" наполнился битым льдом. Тогда капитан Воронин скомандовал:

— Выгружаться на лед!

Никто не закричал и не испугался. Каждый занял свое место. Стали выгружать на лед продовольствие. Вынесли палатки и меховые одеяла. Выкатили бочки с нефтью. Сняли радиоприемник и передатчик.

Выгружались два часа. В это время льды надвинулись на нос „Челюскина". Они подмяли нос под воду. Тогда капитан Воронин и начальник экспедиции закричали команду:

— Все на лед!

Все сошли на лед. Капитан Воронин сходил последним. Вдруг корма „Челюскина" поднялась дыбом и вышвырнула капитана на льдину.

Вода залила судно и выдавила из него воздух в дымовую трубу. Воздухом выбросило из трубы сажу. Сажа осыпала челюскинцев на льдине. В эту минуту „Челюскин" затонул. Было три часа с половиной.

ОРДЕН

Все челюскинцы спаслись на льдину.

Только один комсомолец, Борис Могилевич, не спасся.

Он был завхоз экспедиции. Он спасал продовольствие и ценный груз, он был озабочен. В последнюю минуту он прыгнул на льдину, но вместо льдины он попал на край палубы. Палуба валилась набок, кругом катились бревна и бочки; комсомольца Могилевича опрокинуло, придавило, погнало в воду под лед.

Не удалось ему сойти на льдину.

Но когда в Москве напечатали список челюскинцев и летчиков-героев Советского союза, то в списке было сказано:

„Погибший участник полярного похода, Борис Могилевич награждается орденом Красной звезды".

ЛЬДИНА

Челюскинцы сошли с погибшего судна на льдину. Их было 101 человек.

Все были заранее разбиты на бригады. Каждому дали спальный мешок и меховую одежду — малицу.

Научные работники по звездам определили местонахождение своего лагеря. Бригады расставили пять брезентовых палаток. Это был первый ночлег. Это началась впотьмах и в пургу жизнь челюскинцев на полярной льдине.

РАДИО

Утром челюскинцы умылись снегом.

На том месте, где вчера был „Челюскин", лежали всплывшие мешки, торчали доски и ящики.

Радисты установили на льду антенну.

Тогда начальник экспедиции Шмидт послал аварийную радиограмму:

„13 февраля, в 15 часов 30 минут, „Челюскин“ затонул в 144 милях от мыса Уэллен... Несчастье не остановит нас в работе...“

Сообщение Шмидта услышал радист на мысе Уэллен. Он передал его поскорей в Петропавловск на Камчатке. Петропавловск передал в Хабаровск, Хабаровск — в Москву.

Тогда правительственная комиссия в Москве отдала распоряжение по радио: полярным станциям готовить самолеты. Лететь в лагерь Шмидта, как только кончится пурга. Вывезти участников экспедиции на землю.

Старший радист Кренкель в лагере Шмидта не отходил от аппарата. Он сидел в наушниках.

Было темно, хотя был еще день: вместо дня была полярная ночь. Он слышал в пространстве голоса из Азии и голоса из Америки. Вдруг он услышал — говорит полярная станция на мысе Уэллен.

„Готовим самолеты. Шлем спасательную экспедицию на собаках из двадцати упряжек. В нартах едут чукчи. *На остановках организуем заготовку собачьего корма. Мобилизуем оленей“.*

СТЕНГАЗЕТА

В экспедиции Шмидта были плотники и печники.

Плотники построили деревянный барак на 50 человек. Печники сложили в нем два камелька. Стало тепло. Тогда в барак перевели из палаток женщин и двоих детей и самых слабых товарищей. Окна сделали из фотопластинок. Построили брезентовую кухню, пекарню, умывальню.

Но главная работа была построить сигнальную вышку, для того чтобы спасательная экспедиция могла найти лагерь. Устроить аэродром, для того чтобы самолеты из спасательной экспедиции могли приземлиться.

Аэродромную площадку обвели сигнальными флажками. Трое дежурных поселились в палатке на аэродроме: ждать самолетов, пускать дымом сигналы.

Так прожили челюскинцы пять дней. Через пять дней на пловучей льдине в Чукотском море вдруг появилась стенгазета. Первый номер ледовой стенгазеты назывался: **„НЕ СДАДИМСЯ“.**

ЗНАМЯ

Челюскинцы закончили сигнальную вышку ко дню Красной армии. Они подняли на вышке знамя советского флота; в левом верхнем углу на полотнище был маленький серп и молот.

Знамя было видно за 30 километров. Но никто его не увидел, потому что кругом были льды и пустыня и полярная ночь.

Некому было его увидеть. Но у челюскинцев под этим знаменем на льдине в Чукотском море был праздник Красной армии и флота.

СТАЛИН

Льдина скрипела. Льдину несло на северо-восток. Было трудно на льдине. Было темно. Было холодно. Самолеты не летели за челюскинцами. Но 27 февраля случилась радость.

Старший радист Кренкель сидел у аппарата. Он слушал внимательно и записывал азбукой Морзе на листке. Вдруг он насторожился. Он оглянулся беспокойно. Дослушать бы! Не оборвалось бы сообщение!

Кто-то сказал:—Должно быть, важное сообщение! Должно быть самолет починили в Уэллене! Нет, самолет починили 18-го. Должно быть, погода проясняется!

На самом деле это пришла на льдину радиограмма от т. Сталина и членов правительства:

„Большевистский привет героям-челюскинцам. Принимаем все меры к оказанию вам помощи".

„АНТ-ЧЕТЫРЕ"

20 февраля с мыса Уэллен пришло сообщение: „Летчик Ляпидевский на самолете „АНТ-4" вылетел к вам".

Тогда первые по списку десять женщин с детьми собрались и пошли к аэродрому. Детей повезли в самодельных санках. Тридцать провожающих пошли с женщинами.

Но самолет не прилетел.

Через полтора часа показался сигнал из лагеря: „Идите обратно". Узнали по радио: самолет не смог долететь из-за ветра.

Через несколько дней опять пришла радиограмма: „Вылетел". Опять пошли. Смотрели в небо. Слушали. Ждали. Ничего не видно было в небе. Не слышно было мотора.

Прошло три часа. Стемнело. Вернулись. Ночью из Уэллена сказали по радио: „АНТ-4" летал $7^1/_2$ часов. Не смог найти лагерь".

Наконец 5 марта пришла радиограмма:

„В 9 часов 15 минут „АНТ-4" вылетел в лагерь".

Тогда челюскинцы в третий раз двинулись к аэродрому. Было 40 градусов мороза. Детей везли с закрытыми лицами. И вдруг по дороге увидели: в небе летит самолет. Все остановились. Закричали „ура". Побежали. Но оказалось, перед аэродромом лед раскололся и открылась трещина.

Пришлось вернуться в лагерь за шлюпкой. Пришлось шлюпку тащить на руках три километра по льду. В это время из самолета летчик-наблюдатель Петров и бортмеханик Руковский увидели дымовой сигнал над аэродромной площадкой.

Самолет сделал два круга. Три челюскинца расстелили по снегу большую букву „Т" из темных полотнищ. Это значит: можно садиться. Самолет сел. Из кабины вышел летчик Ляпидевский. На нем была пыжиковая маска, для того чтобы не обмерзло лицо.

Самолет привез в лагерь аккумуляторы для радиостанции и свежую оленью тушу.

ТРЕЩИНЫ

Женщины и дети улетели. В лагере осталось 89 человек. Вдруг ночью 6 марта льды сжались и поползли. Челюскинцы спали. В это время под деревянным бараком льдина раздвинулась. Коптилка упала и погасла. Барак затрещал и раскололся пополам; посредине оказалась широкая трещина, в трещине было море.

Никто не закричал и не засуетился. Никто не упал в трещину. Все было наготове. Челюскинцы открыли запасные двери и вышли на лед.

Утром пришлось в бараке поставить новые стены. Пришлось по лагерю ходить с опаской и осторожно смотреть под ноги: нет ли под снегом трещины? Не провалиться бы в Чукотское море!

Но главная беда: аэродром был сломан. Челюскинцы ждали самолетов,—самолетам негде было спуститься. Тогда лыжная бригада взяла лопаты и ломы и пошла искать в ледяных полях новую площадку.

ДНИ

День в лагере Шмидта начинался в шесть часов утра. В восемь часов был завтрак.

Главная работа была: расчистка аэродрома потому, что если площадка не будет гладкая, то самолеты, садясь, разобьются.

Научные работники изучали погоду и ветры, и морские течения, и движение льдов

потому что у экспедиции Шмидта было задание: изучить для Советской страны Северный морской путь.

У челюскинцев были кружки математики и кружки иностранных языков.

В палатках прорабатывали доклад т. Сталина. Горели самодельные коптилки. Камельки дымили. Брезентовые стены шевелились от ветра.

Один раз вдруг все решили: соревноваться на самую чистую палатку.

МЕДВЕДИЦА

Были метели. Были туманы. Льдину несло на северо-запад. Большая белая медведица пришла на аэродром со своим медвежонком. Она была голодна. Она съела сигнальный флажок и несколько окурков.

Потом она захотела подобраться к дежурным в палатке. Но моторист Погосов убил ее. Медвежатину отдали на кухню. Челюскинцы давно не ели свежего мяса.

В желудке у медведицы нашли флажок.

САМОЛЕТЫ

Наконец прилетели самолеты и летчики. И сразу в четыре дня пять самолетов сняли со льдины всех челюскинцев. Они спешили, потому что погода могла испортиться, потому что площадка могла расколоться, потому что льдина могла рассыпаться.

Всего было 24 перелета.

Самый трудный был первый. Накануне ночью площадка треснула и стала короче. Челюскинцы не успели ее расчистить. Машина Слепнева пробежала площадку и ударилась в торосы. Она получила поломку; ее пришлось чинить.

11 апреля самолеты перевезли на твердую землю тридцать пять человек.

Летчик Молоков сделал в этот день четыре перелета. В четвертый раз он летел в сумерки. У него был двухместный самолет, но он брал в него пять человек для того, чтобы успеть спасти весь лагерь. Он сажал одних в кабину, а остальных подвешивал под крылья в шелковых парашютах, для того чтобы они не замерзли.

Самолет Слепнева забрал из лагеря начальника Шмидта. Шмидт летел в спальном мешке, потому что был болен воспалением легких. Он был болен, но он не хотел улетать из лагеря. Он хотел дождаться, пока все челюскинцы будут переброшены на берег. Он хотел улететь из лагеря последним. Тогда правительственная комиссия дала из Москвы по радио приказ помощнику Шмидта Боброву: „Немедленно снять Шмидта со льдины“. Шмидт подчинился приказу.

ПОСЛЕДНИЕ

Челюскинцы прожили на льдине два месяца. 12 апреля была последняя ночь. На льдине осталось шесть человек

Лед скрипел и шевелился. Но челюскинцы легли спать, потому что они давно не спали. Только капитан Воронин не ложился в эту ночь.

В палатке горел фонарь. Воронин зажег примус и вскипятил себе чаю. Потом он вымыл посуду и прибрал палатку. По обычаю поморов, он захотел оставить в палатке запас продовольствия и вещей: может быть, когда-нибудь окажется заброшенным в эти льды человек, и будет человеку трудно и страшно, и вдруг он увидит: кто-то о нем позаботился.

На рассвете 13 апреля радисты сообщили: три самолета вылетели на льдину.

Тогда капитан Воронин забил вход в палатку, для того чтобы белый медведь не залез и не разгромил запасы.

Капитан Воронин заделал вход и вдруг вспомнил: в палатке осталась шапка. Пришлось отодрать доску. Взял шапку, забил вход во второй раз,— вдруг оказалось: забыл рукавицу. Так пришлось Воронину три раза заколачивать палатку.

В это время над лагерем показались три самолета. Челюскинцы зажгли бочку с нефтью и взорвали порох.

Тогда с самолета увидели большой дымовой сигнал. Самолеты сели.

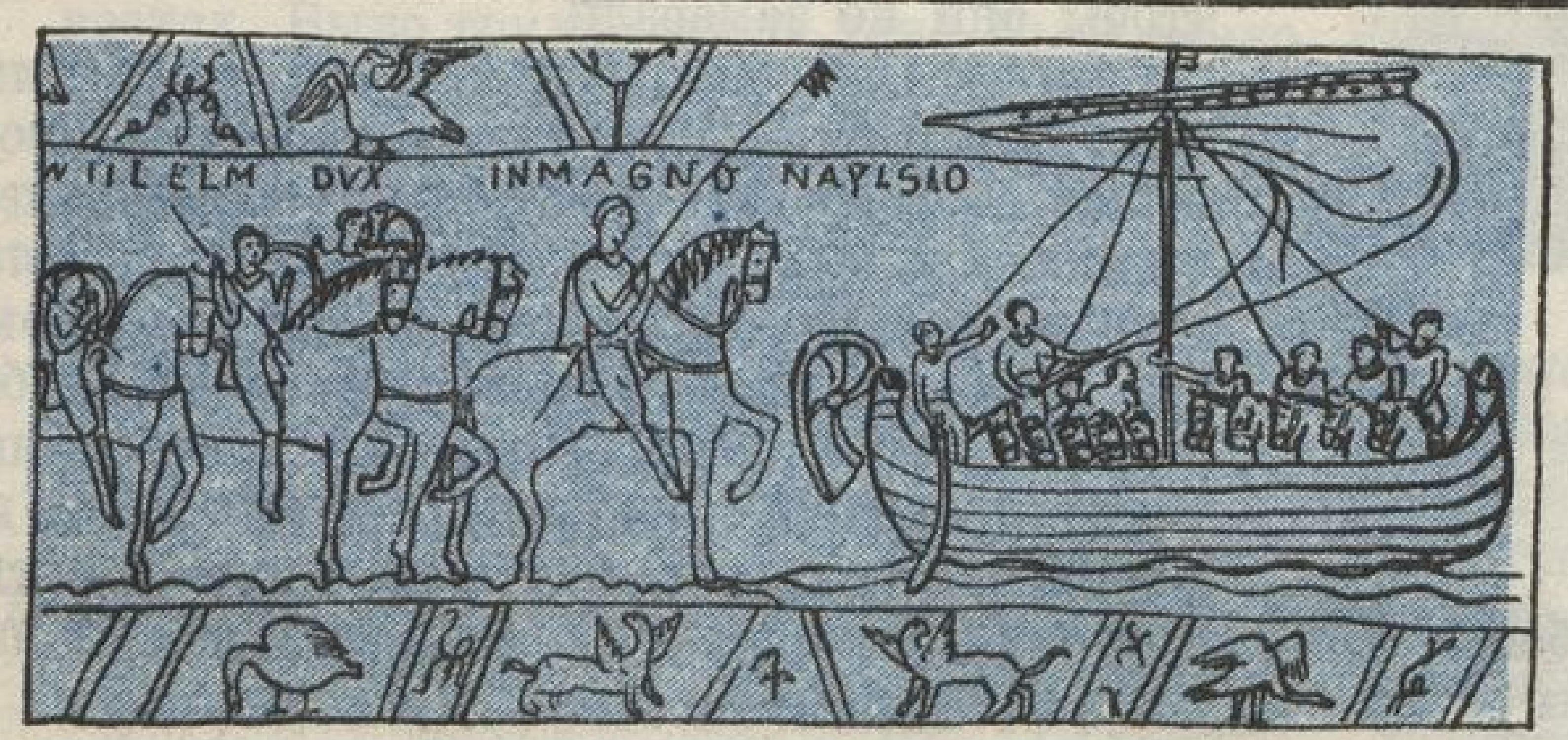
Перед отлетом шестеро челюскинцев послали последнюю радиограмму:

„Покидаем лагерь Шмидта. Прекращаем радиосвязь“.

Самолеты сделали прощальный круг.

Под ними, над Чукотским морем, на вышке, на льдине, был поднят советский флаг.

КАК БЫЛ ОТКРЫТ

Отплытие викингов в поход.

Это военный корабль викингов. Так назывались в Скандинавии дружины морских разбойников. На таких кораблях они пускались в море, грабили чужие суда, производили набеги на прибрежные селения.

Тысячу лет назад викинги открыли много неведомых земель: Гренландию, Шпицберген, побывали даже в Северной Америке. Часто заплывали они из Норвегии и на наш Север.

Викинги нередко гибли на своих суденышках в Белом море из-за коварных морских течений.

Корабль Баренца зажало во льдах у берегов Новой Земли.

А это старинный парусный корабль голландского мореплавателя Баренца из Амстердама. Триста сорок лет тому назад Баренц на нем отправился на Новую Землю. Там его корабль затерло льдами. В ужасных условиях провели Баренц и команда корабля темную полярную зиму.

Баренц, тяжело заболевший во время зимовки, умер, не выдержав трудного пути. Товарищи похоронили его в ледяной пустыне Новой Земли. В честь Баренца море, где он плавал, между Шпицбергеном и Новой Землей, названо Баренцовым.

Баренц мечтал обойти Европу с севера и попасть в Китай. Он искал Великий северный путь.

„Вега"—так назывался небольшой зверобойный корабль с паровой машиной, который вышел более пятидесяти лет назад из шведского порта Гетеборг. На этом корабле отправились в большую полярную экспедицию ученые во главе с известным путешественником профессором Адольфом Норденшельдом, шведом.

„Вега" должна была пройти Ледовитым океаном вокруг всей Азии. Путешествие проходило благополучно. Корабли почти не встречали льдов, лишь густые туманы задерживали путь экспедиции. В августе „Вега" достигла мыса Челюскин.

В сентябре у Чукотского полуострова экспедиция Норденшельда зазимовала во льдах. Путешественники провели полярную зиму в научных работах. Летом „Вега" освободилась от льдов и 20 июля 1879 года вышла в Берингов пролив.

Великий северный путь был открыт.

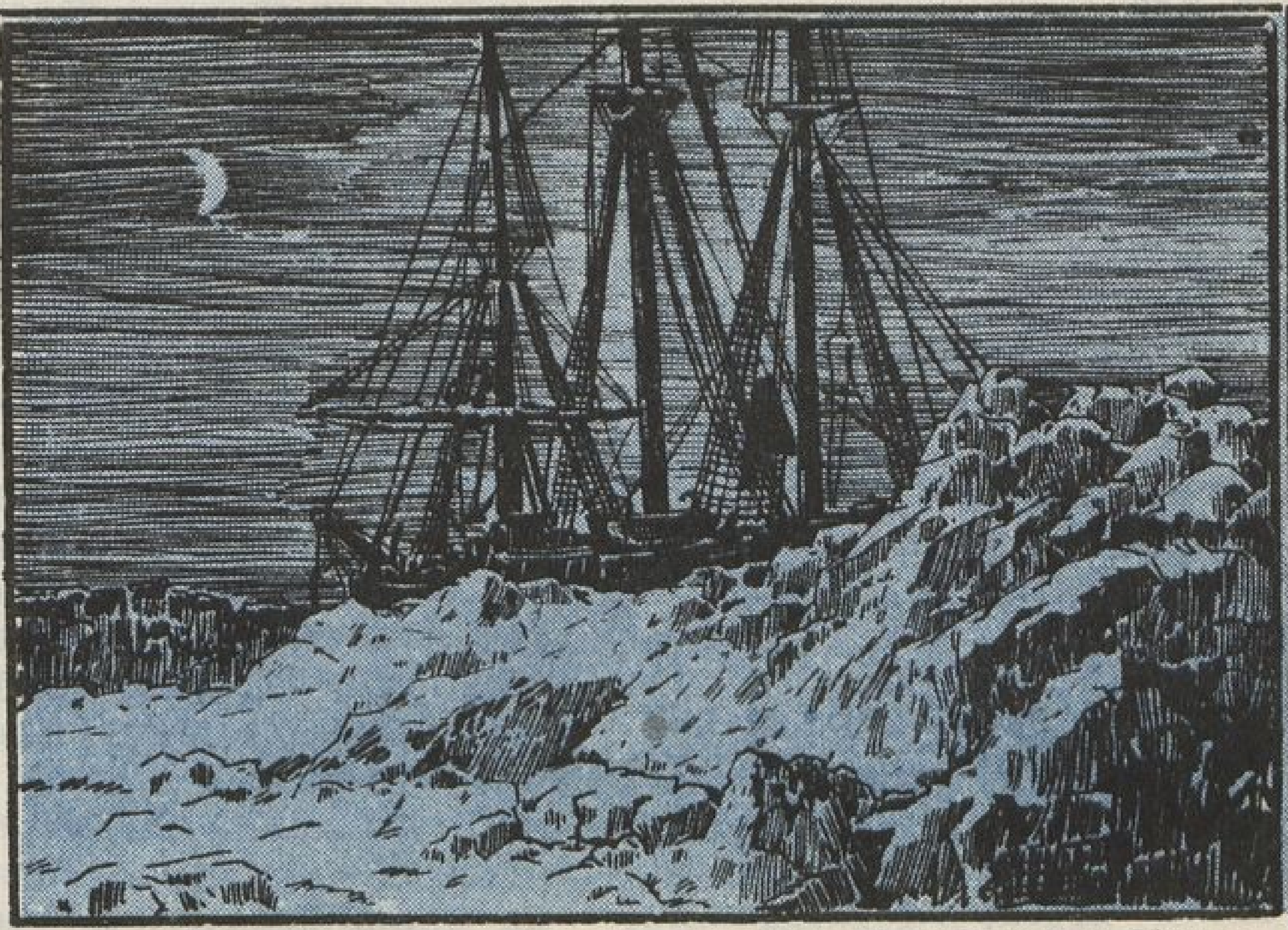

Экспедиция Норденшильда у мыса Челюскин.

ВЕЛИКИЙ СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ

„Фрам“ значит по-норвежски „вперед“. Такое имя дал своему кораблю знаменитый норвежский полярный путешественник Нансен. „Фрам“— небольшой очень крепкий деревянный корабль с сильной паровой машиной.

Сорок два года тому назад начал Нансен свое необычайное путешествие. Вся команда „Фрама“ состояла из 11 человек. Осенью „Фрам“ прошел мыс Челюскин и у Новосибирских островов попал во льды и зазимовал. Как и предполагал Нансен, льды понесли корабль по направлению к северному полюсу. Три года продолжался знаменитый ледяной дрейф „Фрама“. Полюса Нансен не достиг, но все-таки пробрался так далеко на север, как ни один человек до него. Славный „Фрам“ выдержал напоры полярных льдов и благополучно вернулся в Норвегию.

Корабль Нансена „Фрам“, затертый льдами у Новосибирских островов.

Это знаменитый советский ледокол „Сибиряков“.

В 1933 году в одно лето, точнее — в два месяца и четыре дня он прошел через шесть морей: Белое, Баренцово, Карское, море братьев Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское и выплыл в Тихий океан.

Профессор Шмидт был начальником экспедиции на „Сибирякове“, профессор Визе — его помощником, а капитан Воронин командовал ледоколом.

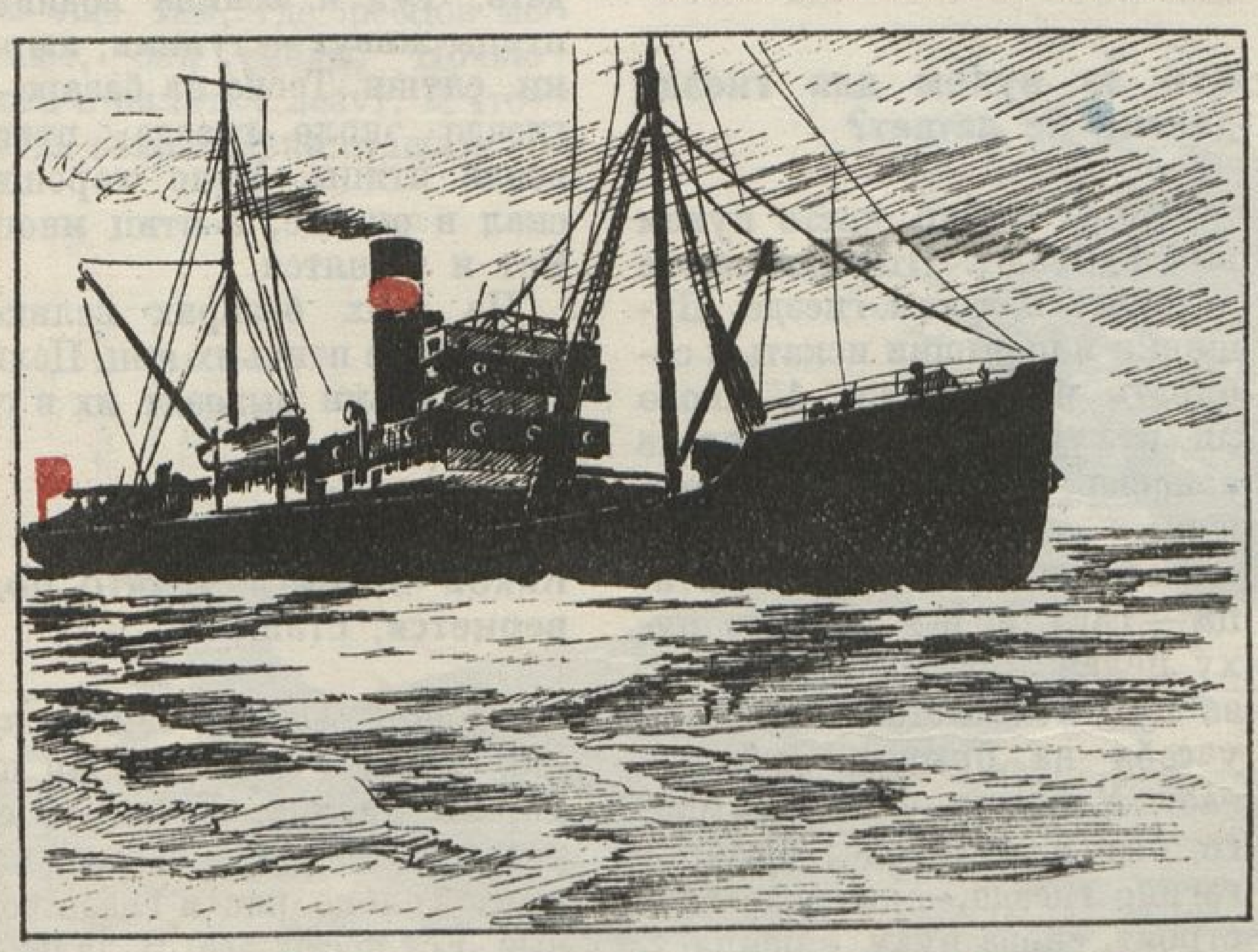
Ледокол мужественно пробился через тяжелые льды у Северной земли. Где был бессилен ледокол, там помогал аммонал — сильное взрывчатое вещество, которым взрывали лед перед ледоколом. Но у Чукотского полуострова „Сибирякова“ ждало первое испытание. Поднырнувшая под ледокол льдина сломала лопасти винта. Но сибиряковцы не пали духом.

Через семь дней винт был исправлен, и „Сибиряков“ снова двинулся в путь, пробиваясь через полярные льды.

Но следующий день принес новую беду: напором льдины был сломан самый вал, на котором был укреплен винт. Этой поломки сибиряковцы сами исправить уже не могли. Мощный ледокол превратился в бессильную, неуправляемую баржу. Морские течения понесли его вместе со льдами на восток. Когда сплошной лед сменился отдельными льдинами, сибиряковцы сшили из угольных брезентов паруса и, пользуясь попутным ветром, выбрались из ледяного мешка в свободные воды Берингова пролива.

Советская экспедиция профессора Шмидта на ледоколе „Сибиряков“ прошла первая в мире Великий северный путь без зимовки.

По этому пути пошел в 1934 году и наш полуледокол „Челюскин“.

Ледокол „Сибиряков“ в ледяных полях у Северной земли.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ

Где самый высокий лес человеку по колено?

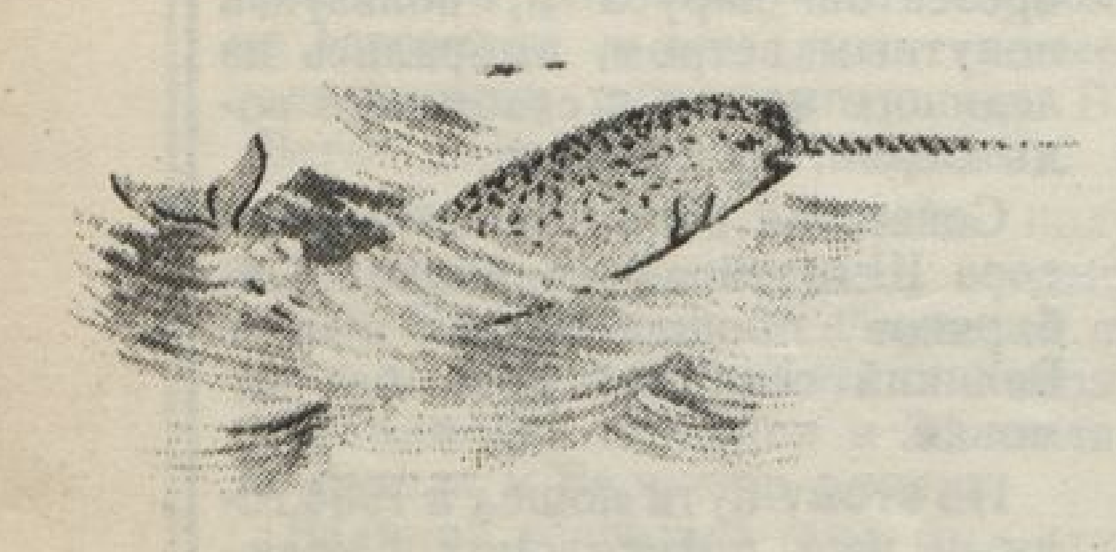
Далеко отсюда — у полярного круга. Березки там растут маленькие-маленькие. Не вверх растут, а по земле стелются, не деревья, а карлики. Их так и называют — карликовые березки.

У какого зверя зубы в два метра длиной?

Есть такое чудище. Живет оно в Полярном море. По виду его, пожалуй, за рыбу примешь. А присмотришься, увидишь — нет, не рыба. Чешуи нет, жабер нет, голова не рыбья. Нарвал — имя этому зверю. А еще называют его единорогом.

Зубов у него во рту совсем немного. Да и зубы плохие — мелкие, кривые. Зато один зуб — клык — хороший. Такой зуб ни в каком рту не уместится. Пробил зуб десны, пробил кожу. Торчит перед мордой, словно копье. Сам нарвал длиной метра в четыре, а зуб — два метра.

Родню нарвала ты, может быть, знаешь. Это дельфины. Те самые, что в Черном море кувыркаются. Черные такие.

Какой медведь никогда дерева не видал?

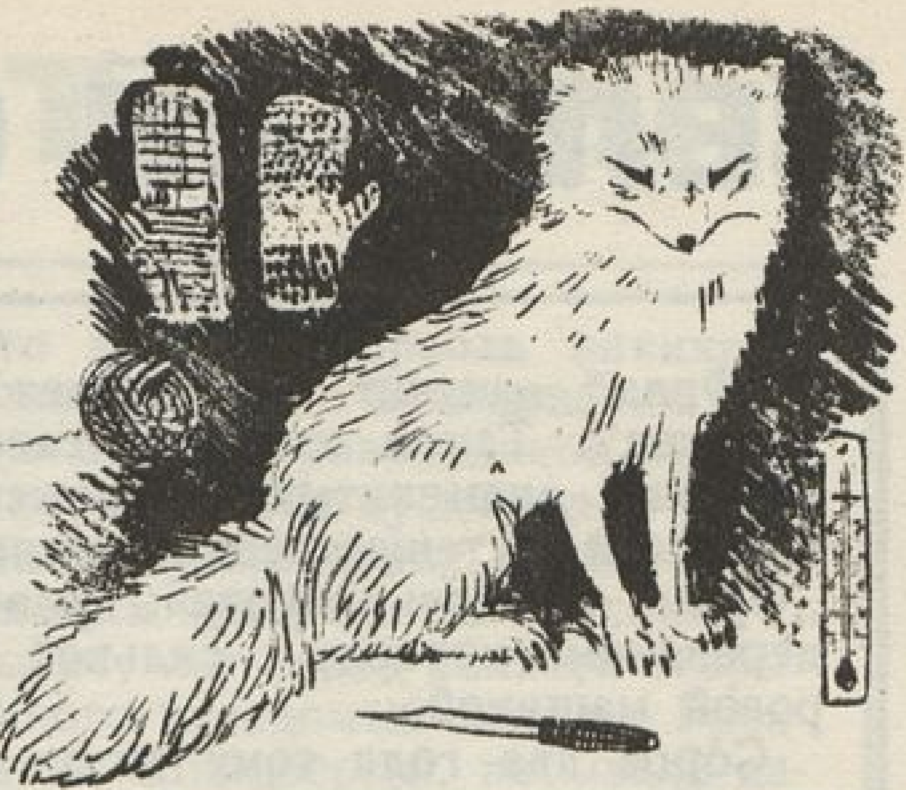
Медведи хорошо по деревьям лазают. Особенно молодые. Старый медведь тяжел для такого дела. А вот есть медведь, который никогда на дерево не лазал. Мало того, он и дерева-то ни разу не видал. И не увидит—разве только поймают его и увезут далеко от родины. Это медведь — белый. Там, где он живет, нет деревьев. Не растут они в Арктике. Зато этот медведь по океану на льдинах катается. Холодно там, где он живет. Подошвы у него снизу густой шерстью покрыты. Это словно валенки, чтобы ноги не мерзли.

Кто за пухом для гнезда далеко не летает?

Птицы гнездо часто пухом выкладывают. Птенцам мягче и теплее в таком гнезде. Пушинки и перышки искать и собирать приходится. А много ли пуху в лесу или на болоте найдешь? Мало пуха в гнезде птиц.

Есть такая северная птица — гага. У нее в гнезде пуху целая гора. И никуда она за пухом не летает. Она его у себя на брюшке выщипывает. Много пуху на гаге, много его и в гнезде. Разорят гагино гнездо,— она новое построит, снова пуху нащиплет. Иной раз брюшко у нее совсем голое — весь пух выщиплет.

А нехватит своего пуха — за самца примется, у него повыдергает.

Этот пух собирают и продают. Это самый дорогой, теплый и легкий пух.

На каком базаре никого, кроме птиц, нет?

Далеко этот базар, в Северном океане.

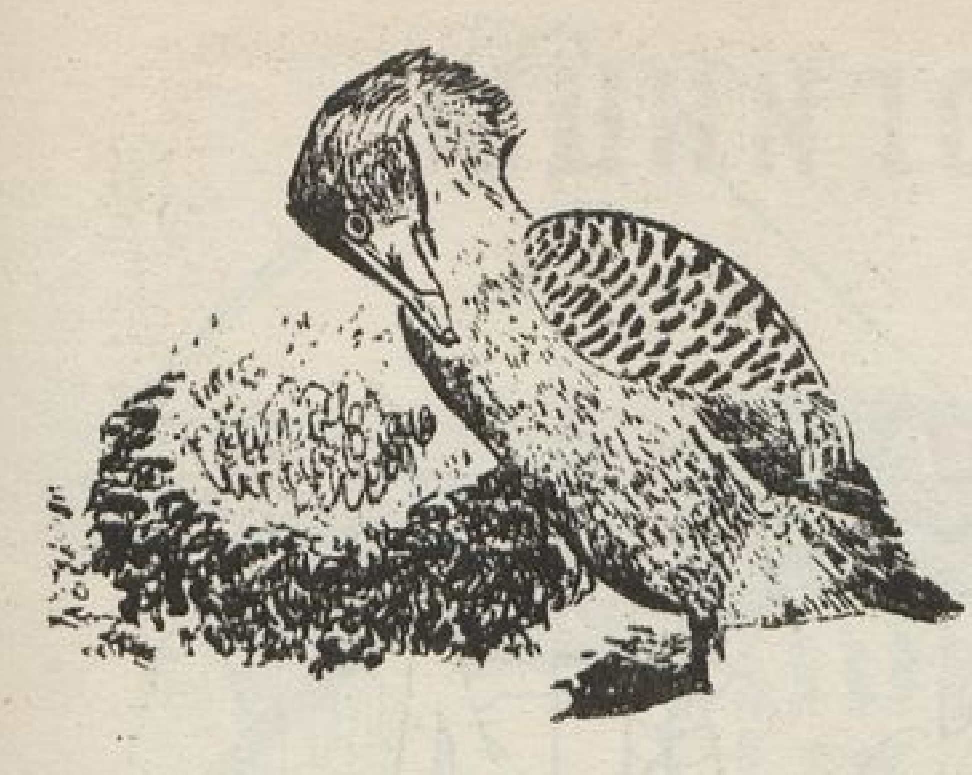
Высокие скалы отвесно спускаются в море, и все они птицами усажены. Столько птиц, что взлетят они — ни неба, ни воды не видно, словно метель поднимется. А птичий крик за версту слышно.

На птичьем базаре множество разных чаек можно увидеть. Тут и всякие водяные птицы живут — тупики, люрики, слуши. Тесно на базаре — гнездо около гнезда, птица возле птицы. Мало хороших скал в океане, а птиц много. Вот и теснятся.

На этих базарах великое множество птичьих яиц. Целыми шхунами вывозят их в города.

Какой зверь все, что подвернется, стащит?

Из всех зверей самый жуликоватый — песец, белая полярная лисица. Летом он сероватый, зимой — белый, как снег. Только нос и глаза черные. Ест песец все. В далекой Арктике нельзя привередничать — голодным набегаешься.

Путешественники от него плачут. Что ни положи — все стащит. Шапки, мешки, чулки, ремни — все ему нужно. Даже палки и ножи ворует.

Один путешественник лег спать прямо на снегу. Лег он в шапке и варежках. Проснулся — ни того, ни другого нет. Песцы стащили. Даже шкуру, которую он под себя подстелил, и ту вытащили. У Нансена — знаменитого полярного путешественника — песцы украли проволоку, кусок бамбука, коллекцию камней, засушенные мхи. Потом они стащили у него большой моток ниток. А когда тащить уже нечего стало — большой термометр уволокли.

Это было давно. Но и теперь еще там, где песцов не пугают, они смелы. Ночью прямо в палатку лезут. И чтонибудь обязательно стащат.

У кого усы во рту растут?

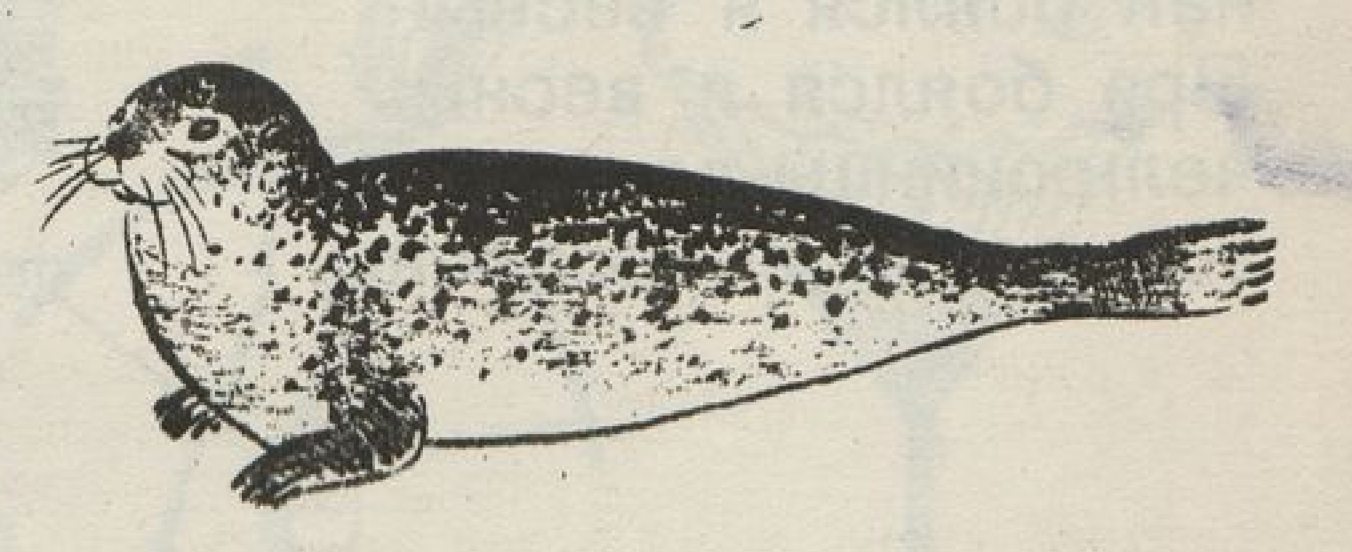
Есть такой зверь. Правда, усы у него крепкие и жесткие. Никакой бритвой их не сбреешь. На усы они и не похожи совсем, хоть и прозвали их усами.

Зверь этот — кит. А усы служат ему цедилкой. Зубов у кита нет. Вместо них роговые пластинки, тесными рядами сидят. Это и есть усы. Без них плохо бы киту пришлось. Кит большой, а глотка у него узенькая. Не то что большую рыбу или тюленя, а и селедку ему не проглотить. Питается кит всякой мелюзгой — мелкими рачками, улитками. Скоро ли их наловишь! Наберет кит полный рот воды, выпустит эту воду и через усы процедит. Всякая живность мелкая, которая была в воде, во рту застрянет.

Цедит кит воду весь день — к вечеру и наестся досыта.

Какого зверя за ухо не схватишь?

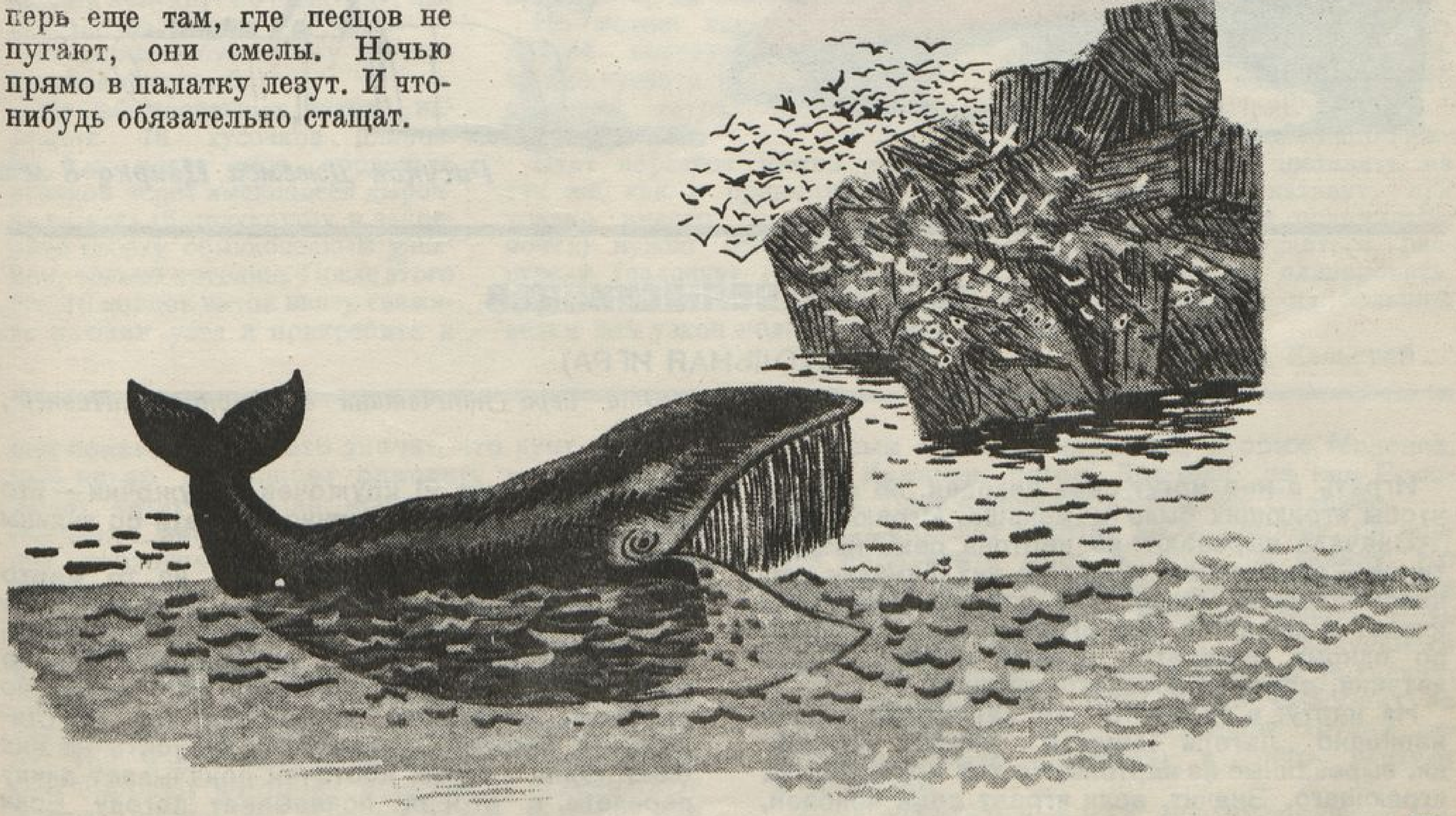
Я знаю, ты всяких зверей называть будешь. Тигра, льва, волка, медведя — мало ли кого. Кто укусит, кто и совсем съест, кого не поймаешь, а у кого и просто до уха не достанешь. Поди, дотянись до уха у жи-

рафа — лестницу приставлять придется. Но дело не в этом. Всякого можно за ухо схватить — изловчись только.

Вот у многих тюленей уха совсем нет. Живет в Северном океане один из тюленей — лысун. Голова у него словно лысая. Поди, схвати этого тюленя за ухо. Нет его. Есть отверстие, дырка ушная — и все.

Н. Плавильщиков
Рисунки Д. Горлова

ЧЕЛЮСКИНЦЫ-ДОРОГИНЦЫ

Эти стихи сочинил мальчик 7 лет, и передал их в редакцию через поэта А. Барто

Челюскинцы-дорогинцы,
как боялся я весны,
как боялся я весны!
Зря боялся я весны:
челюскинцы-дорогинцы,
все равно вы спасены.

Рисунок Иры Кренкель 9 лет

Из Кронштадта к Лагерю Шмидта

Рисунок Джемса Цвирко 8 лет

Спасение челюскинцев

(НАСТОЛЬНАЯ ИГРА)

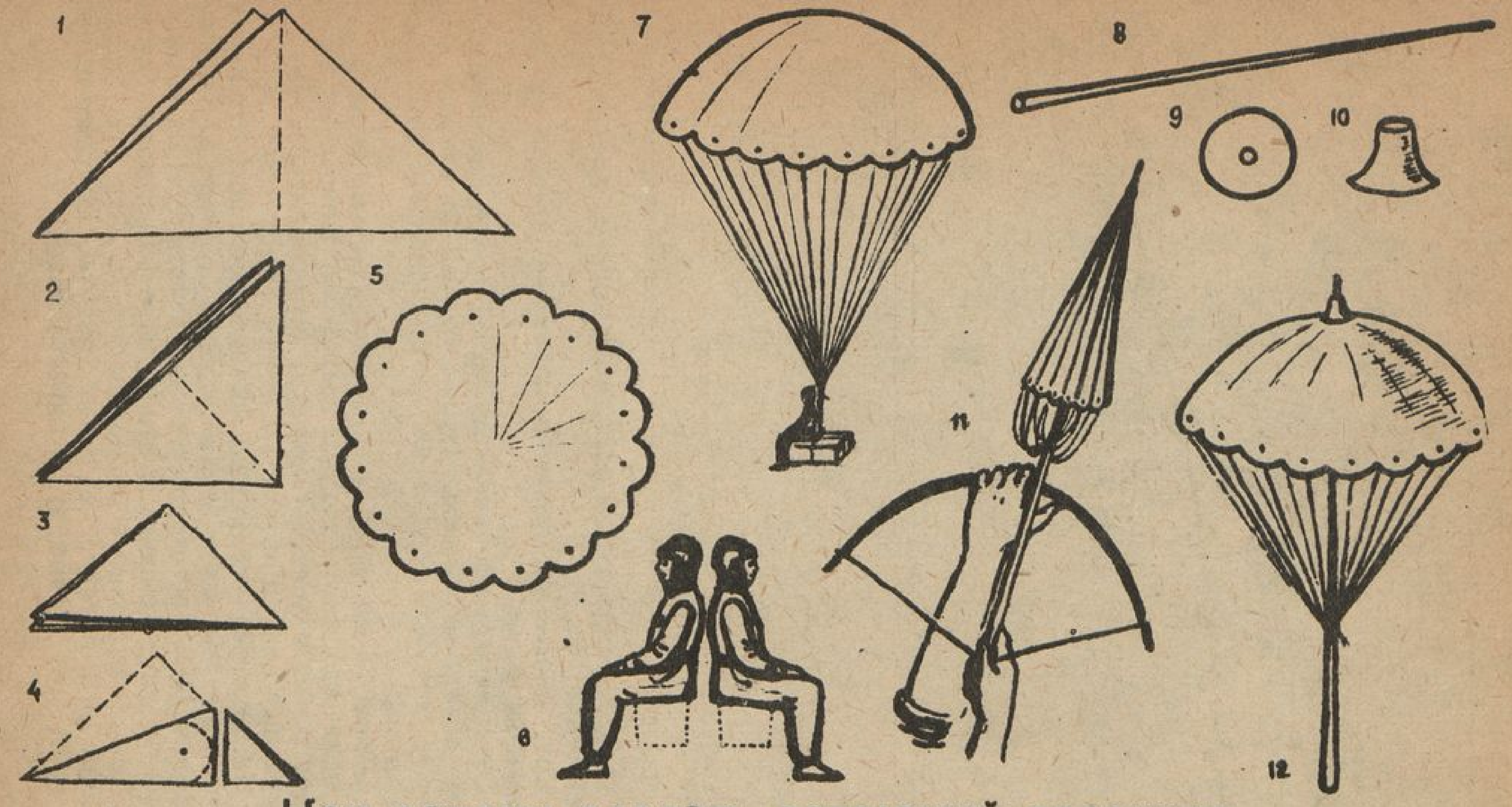
Эта игра напечатана в журнале „Пионер", № 10.

Играть в нее могут семь человек, но можно, чтобы играющих было и меньше. Играют так.

Сначала вырезают из картона семь квадратиков — самолетов и пишут на них фамилии летчиков — героев Советской страны. Самолеты кладут в шапку, и все играющие вытаскивают по одному самолету. Каждый играет в того летчика, самолет которого вытащит.

На карту, в то место, где нарисован флаг и написано „Лагерь Шмидта", кладут кружочки, вырезанные из картона, по три кружочка на играющего. Значит, если играет семь человек, в лагерь кладут 21 кружочек. Кружочки — это челюскинцы, которых нужно вывезти со льдины в Ванкарем.

Каждый ставит свой самолет на то место карты, где буквами обозначена фамилия летчика. Потом берут игральные косточки (косточки должны быть разные, по величине или по цвету). Если готовых косточек нет, их можно вырезать из пробки, из дерева или из стиральной резинки и чернилами написать на них очко. Одна из этих косточек показывает длину перелета, а вторая показывает погоду. Если

Как самому сделать летающий парашют

Возьмите квадратный кусок бумаги, достаточно крепкий, но тонкий, длиною в 25 *см* и шириною 25 *см*. Сложите квадрат в треугольник (рис. 1), потом вторично сложите в треугольник (рис. 2), затем еще раз (рис. 3).

Полученный треугольник еще раз сложите по линии, указанной в рис. 4. Проколите иглой дырочку через всю толщину сложенной бумаги и обрежьте ножницами полукруг по пунктиру, как указано на рис. 4.

Разверните бумагу — у вас получится фигура 5.

Из обыкновенных ниток нарежьте 16 кусочков длиною 50 *см*, после чего проденьте иголкой через имеющиеся дырочки на всех 16 полукругах и закрепите сверху обыкновенным узелком, только потолще. После этого все 16 концов ниток внизу свяжите в один узел и прикрепите к нему в виде груза спичечную коробку, в которую вложьте один-два камешка. Если бумага будет прорываться в дырочках, можно сделать маленькую подклейку. Парашютиста (фиг. 6) вырежьте, склейте обе стороны серединой, а затем приклейте его к коробочке (фиг. 7).

Парашют готов к полету. Надо только пускать его при попутном ветре, и тогда парашют легко поднимется на большую высоту.

Но можно сделать парашют другой конструкции, который можно пускать и при полном отсутствии ветра, при помощи стрелы и лука.

Этот парашют нужно делать так же, как и предыдущий, но только вместо гондолы (коробочки) нужно вставить легкую стрелу (палочку) (рис. 8.) Лук можно сделать из любой гибкой ветки или узкой полоски фанеры с подвязанной с обоих концов веревочкой.

Когда бумага сложена и нитки продеты, сделайте в центре бумаги отверстие и проденьте туда конец стрелы, заклеив бумагу колпачком бумажным и бумажной шайбой (рис. 9 и 10) в месте прохождения стрелы так, чтобы конец стрелы держался крепко и не двигался в дырочке бумаги и не пропускал воздух.

Концы ниток привязать посредине древка (древко-стрелу сделать длиной 50 *см*). Все сделанное напоминает вид сложенного дождевого зонта (рис. 11).

При пуске парашюта надо нижний конец стрелы поставить на центр веревочки, натянуть лук и пускать. Парашют поднимется, а когда начнет спускаться, раскроется и будет планировать, качаясь в воздухе на большой высоте.

С. Хальский.

она покажет один, это значит, что дует встречный ветер, он мешает самолету лететь, и самолет летит на один кружочек меньше, чем показала первая косточка. Значит, если первая косточка показала пять, а вторая один, самолет летит только на четыре. Два означает тихую погоду — самолет летит так, как показала первая косточка. Три означает попутный ветер — самолет летит на один кружочек дальше. Четыре — это туман, пять — пурга — в такую погоду можно заблудиться, поэтому самолет летит так, как показала первая косточка, а потом бросают косточку еще раз и передвигают самолет назад на столько очков, сколько она покажет. Шесть — это буря, лететь нельзя, и самолет пережидает один ход.

Первым летит Ляпидевский, вторым Молоков, потом Каманин, потом Доронин, за ним Водопьянов, Леваневский и последним Слепнев.

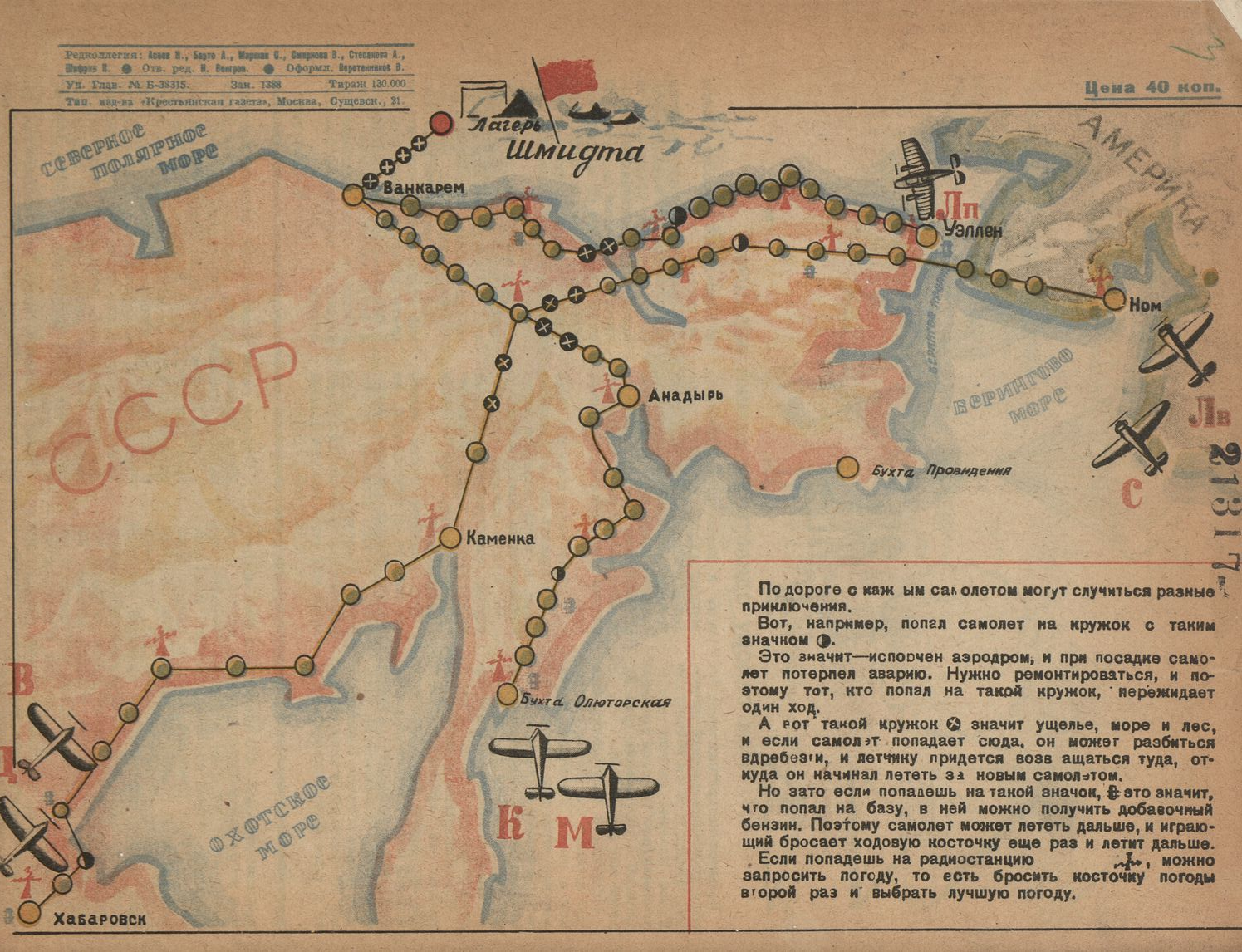
Когда самолет долетит до Ванкарема, он должен перелететь море и сесть на льдину. Но перелететь море он может только тогда, когда у него будет не меньше четырех очков. Если будет меньше, он пережидает до следующего хода; если больше, все равно садится на льдину. А в следующий ход, если опять выбросит не меньше четырех очков, забирает группу челюскинцев (один кружочек) и опять улетает в Ванкарем.

Игра кончается, когда все челюскинцы будут вывезены. Выигрывает тот, кто вывез больше всех.

Редколлегия: Асеев Н., Барто А., Маршак С., Смирнова В., Степанова А., Шифрис Б. ● Отв. ред. Н. Венгров. ● Оформл. Веретенников В.
Уп. Главл. № Б-38315. Зак. 1388 Тираж 130.000
Тип. изд-ва «Крестьянская газета», Москва, Сущевск., 21.

Цена 40 коп.

21317

По дороге с каж ым самолетом могут случиться разные приключения.

Вот, например, попал самолет на кружок с таким значком ◐.

Это значит—испорчен аэродром, и при посадке самолет потерпел аварию. Нужно ремонтироваться, и поэтому тот, кто попал на такой кружок, пережидает один ход.

А вот такой кружок ⊗ значит ущелье, море и лес, и если самолет попадает сюда, он может разбиться вдребезги, и летчику придется возвращаться туда, откуда он начинал лететь за новым самолетом.

Но зато если попадешь на такой значок, ⛽ это значит, что попал на базу, в ней можно получить добавочный бензин. Поэтому самолет может лететь дальше, и играющий бросает ходовую косточку еще раз и летит дальше.

Если попадешь на радиостанцию ⚡, можно запросить погоду, то есть бросить косточку погоды второй раз и выбрать лучшую погоду.